Евгения СИНИЦЫНА

Обнинск Калужской области

Евгения Ивановна Синицына — педагог, писатель, журналист. Родилась на благословенной калужской земле. Любовь к слову впитала от своего отца, писателя-публициста Ивана Семёновича Синицына, автора многочисленных книг, посвящённых земле, человеку труда, школам Советского Союза. Автор более 20 книг для творческого развития детей: «Весёлые уроки для дошкольников», «Сказки для игры и развития», «Игры с пословицами», «250 развивающих упражнений», «Умные загадки» и др.

«КУДЫ ЗРЯ!»

— О-о-ой! Пропа-а-ал пяту-у-ух! — заголосила бабка Антонида.— Куды ж он, зьмей, подевалси-и-и? Как же теперь курям-то без пятуха-а-а?..

Бабка, опираясь на одну корявую палку, другой раздвигала заросли крапивы. Петуха нигде не было.

— Что кричишь, Антонида? — соседка Паша выглянула из-за забора.— Дам я тебе петуха. Есть у меня лишний. Сейчас принесу...

— Да уж приняси. Мне абы какого...

Антонида, переваливаясь с палки на палку, заковыляла в сад. По пути ей попалась дохлая крыса, она отбросила её палкой:

— У! Змяищща! Развялось вас!..

Где-то в глубине сада стучал дятел:

— Опять долбить. Как по голове!

Белая глухая кошка спрыгнула с яблони прямо ей под ноги:

— И ты здеся! Иди крыс лови! Зря, что ли, кормлю?

Доковыляв до скамейки, бабка положила на неё свои палки и села под «медовой» яблоней. Красивое полосатое яблоко упало неподалёку. Она подкатила яблоко палкой, обтёрла его о фартук и откусила.

— Тьфу! Вандё! — бабка швырнула надкушенное яблоко в картошку.— И мои не едуть, и Паша пятуха не несёть...

— Антонида! Держи петуха! — Паша перекинула петуха через забор.— Такой пойдёт?

— Да куды зря! — с радостью отозвалась бабка.

Маленькая рыжая собака по прозвищу Кубик сразу же облаяла нового петуха. Он забился под лавку и не вылезал оттуда.

— Иди к курям! — бабка пыталась достать его палкой, но он забивался всё дальше и дальше.— Паша, что ж ето за пятух?! Ни к курям не идёть, и из-под лавки не вылезаеть.

— Так ты ж сказала, абы какого. Что ж ты от него хочешь? Он всю жизнь со свиньями в одной закуте прожил.

На дороге загудела машина.

— Видно, твои едут, встречай.

Антонида, переставляя палки, двинулась к воротам. Сын и невестка вылезали из машины.

— Приехали?.. А уже и ни к чаму. На время смотрели? Когда дела делать-то будем?

— Да ладно, мам, успеем,— сын достал сигареты.— Сейчас вот покурю, и начнём дела делать.

— А ты чего так нарядиласи? — бабка ткнула палкой в длинную юбку невестки.— Полы подметать собраласи?

Невестка молчала.

— Чего нарядилася у юбку, спрашиваю?

— Да мы в монастыре были...

— И ты?! — бабка ткнула палкой в сына.

— Не, ма, я только зашёл и вышел...

— Смотри мне! Прокляну!

Сын докурил сигарету и стал вытаскивать из машины пакеты с продуктами и стираным бабкиным бельём.

— Ну, пойдёмтя у дом,— Антонида вытащила газеты из почтового ящика, сунула их в фартук и заковыляла к порогу.

В доме пахло палёным.

— Ма, что это у тебя так пахнет?

— А то и пахнеть... У мине ж на неделе бяда приключиласи. Телевизер я смотрела, да, видно, уснула. А тут гром, видно, молния! Как загрямить усё! Как давануло! И прямо у телевизер! Мине отшвырнуло! Я валяюся, дверь открылася, а часы мои: «Ку-ку! Чатыре часа ровно!» А никакие и не чатыре, а всего час ночи был... Теперь я без телевизера... Во бяда какая...

В дверь постучали.

— Заходитя-а-а!..

В дом вошла Паша с трёхлитровой банкой молока. Перекрестилась.

— С приездом! Я вот тут молочка вам принесла.

— А я, Паш, рассказываю про свою бяду.

— Про петуха, что ли?

— Да не, про телевизер.

— А я тебе давно говорила: убери телевизор из-под икон.

— Да при чём тут это?!

— Всё при том.

Невестка стала собирать на стол.

— Покушаете с нами, тётя Паша?

— Не, Поль, спасибо. У меня дел непочатый край. А тебе, Антонида, скажу: слава Богу, что ты живая осталась. Благодари Господа и молись за своего деда. Ведь дьяком в храме был. Икона тебе такая редкая досталась от него: Божией Матери Всепетая. Весь ваш род на обратной стороне иконы записан. Молись!

— А чаго за него молиться? Он уже помёр давно! — бабка махнула рукой и отвернулась к окну.

— Ну, оставайтесь с Богом! — Паша перекрестилась и вышла.

Полина поставила на стол миску с молодой отварной картошкой, посыпала её укропом.

— А мы вам тут селёдочки привезли.

— Покажи!

Полина достала селёдку из пакета.

— Ну, как вам?

— Да куды зря! Жирная, хорошая! Смотри толькя головы не выбрасывай, я их люблю.

Полина быстро разделала селёдку, посыпала луковыми кольцами и полила маслом.

— Да куды зря! И мясо няси, я нажарила. Оно, правда, солоновато было, но я его вымочила и пожарила. Куды зря!

Полина принесла сковородку с мясом, поставила на кружок, расставила тарелки, положила вилки на салфетки.

— К чаму ето ты салхветки стелешь?

— Вытереться.

Бабка засмеялась.

— А я вот так! — она утёрла рот кулаком и, для верности, вытерлась фартуком.— А ты — салхветки придумала...

Белая глухая кошка подпрыгивала к бабкиным коленям, выпрашивая селёдки.

— На, жри! — бабка бросила на пол кусок селёдки.

— Ма, зачем ты на пол бросаешь?

Мать обтёрла рот и махнула рукой.

— Ну-у, Поль, а чаго это ты моё мясо не ешь? — бабка пододвинула сковородку к Полине.

— Она постится.

— Чаго выдумала! Ешь!

— Да не будет она.

— Думаешь, на небеса попадёшь? Там же, где и мы, будешь!..

На подоконнике задребезжал бабкин телефон.

— Ну вот, опять! Что с им делать? Как узбрешится, как узбрешится! Я: «Алё, алё»,— а ён молчить. Что с им такое? Ты, Поль, погляди. Ты ж в ентом деле понимаешь.

Поля взяла телефон и вышла с ним на улицу. Куры обступили её со всех сторон.

— Тюки-тюки-тюки! — Полина сыпала им зерно.— Ешьте!

Кубик подпрыгивал рядом, ласкался, облизывал её ноги.

— И тебе привезла. На́ косточки!

На пороге показалась бабка.

— Ну что, ножницы привязла? Стрыгать мине будешь?

— Конечно. Готовьте расчёску и мочите голову.

Полина усадила бабку на табуретку во дворе и стала стричь.

— Вас как? Покороче?

— А то!

— Ну, терпите.

Седые бабкины волосы падали на траву. Куры подбегали и лапами разгребали их.

— А пятух-то, пятух, так и сидить под лавкой. Что за пятух?!

— Ну, всё, готово! — Полина стёрла с бабкиных плеч и с шеи волосы, поднесла ей зеркало.— Ну, как вам?

— Да куды зря! А волосьев-то сколькя, хоть валенки валяй!

— Ну, тогда пойдёмте, я вас помою. Душ уже горячий.

Полина повела бабку в уличный душ, натёрла её, намыла. Из душа бабка вышла довольная и счастливая.

— Ну, чаго? — окликнула она сына.— Мы усе дела поделали, а ты?

— Да и я вроде всё сделал, что ты просила.

Бабка села на лавку.

— Ма, ну, мы будем собираться.

— Уже?

— Да. У нас ведь ещё дома куча дел.

— Ну ладно. Яиц там возьмитя, картохи.

— Что тебе привезти в следующий раз?

— Карпика живого привязитя!

— Одного хватит?

— Куды зря!

Антонида поднялась, оперлась на палки. Полина подошла, чмокнула её в щёку.

— Телефон я поправила. Теперь не будет вам надоедать.

Бабка кивнула.

— Пока, мам, мы поехали. Звони, если что...

— В выходные-то приедетя?

— Как получится...

Глухая белая кошка тёрлась о бабкины ноги. Кубик носился от уезжающей машины к бабке и обратно. Белый петух так и сидел, забившись под лавку.

— Ну, уж иди на нашест,— говорила бабка петуху,— иди. Сейчас я курей загонять буду, иди...

Садилось солнце. Толкачики летали столбиком то вверх, то вниз. К теплу...

— Куды зря...— бабка краем платка вытирала слёзы.— Куды зря...